

«Память сердца»

ВИКТОР КОРОТАЕВ

НЕОТЛОЖНОСТЬ

СТИХИ

К Т 1319917

Вологда. 2000

Виктор КОРОТАЕВ

Виктор Вениаминович Коротаев родился в 1939 году в гор. Вологде. Все детство провел в дер. Липовица Сокольского района у своей бабушки. После школы закончил педагогический институт. Первую книгу стихов Виктор Коротаев выпустил, будучи студентом. После службы в армии работал в газете «Вологодский комсомолец». В 1961 году, после выхода сборника стихов «Мир, который люблю», был принят в члены Союза писателей. С тех пор у В. В. Коротаева вышло более двадцати книг стихов и прозы, им была написана пьеса «Женская логика», поставленная на сцене областного драмтеатра. Пять лет В. Коротаев возглавлял Вологодскую писательскую организацию. Двенадцать лет вел литературное объединение при газете «Вологодский комсомолец». Руководил почти всеми творческими семинарами молодых литераторов. В последние годы возглавлял издательскую фирму «Вестник». Был удостоен звания лауреата премии А. Яшина, А. Фадеева, Н. Островского. Поэзия Виктора Коротаева привлекает страстным гражданским чувством любви к родному краю и родной природе. Вологодская земля и ее люди стали основой в его творчестве для большого разговора о Родине, о судьбах народных. В своем творчестве поэт бесконечно любит жизнь, он добр, отзывчив, и все эти качества сполна воплощены в стихах и поэмах, прозе. Тема любви к Родине, к людям — главная тема творчества В. Коротаева.

18 мая 1997 года Виктор Вениаминович Коротаев скоропостижно скончался. Его именем назван буксир, на могиле поэта открыт памятник 18 мая 2000 года. Книга «Неотложность» состоит из новых стихов известного поэта, написанных в последние годы жизни.

ЖИЗНЬ В ПОЭЗИИ

Вот пишу это, а перо мое спотыкается от горького осознания, что никогда уже не встречу Виктора Коротаяева. Он был разнообразно талантлив и деятелен. Не дожив до шестидесяти лет, создал более двух десятков сборников стихов, поэм и повестей. И основал в Вологде сперва свою книгоиздательскую фирму “Вестник”, а затем и газету “Русский огонек”. И завязал торговые связи с Москвой и Санкт-Петербургом. Никому другому из наших писателей не под силу была такая многосторонняя деятельность.

Да, тем и удивляет вологодская земля, что с давних времен и поныне не пресекаются в ней народные таланты. Знать, в красоте природы нашей, в древних соборах и в самой народной жизни все еще таится многовековая духовность. И, живя в Вологде, невозможно не почувствовать ее светочности.

*Ну что, казалось бы, такого...
А я ликую и свечусь,
Едва услышу это слово
Совсем коротенькое—
Русь.*

Виктор Коротаяев, вглядываясь в тяжелую народную жизнь, находил в себе нравственные и творческие силы не поступаться ни совестью, ни честью, ни своим поэтическим словом. Он легко сходил с людьми, которые гораздо старше его. Сходил без заискивания, с простецкой распахнутостью. В зорких глазах его светилось дружелюбие и еще что-то задумчивое, похожее на зарницу чуткой души.

*...Много, странствуя, исколесил я,
Но отсюда мне стало видней:
Чем печальней и горше Россия,
Тем любовь обостреннее к ней.*

Поэзия требует великих пространств. Затворничество, конечно, необходимо, но плодотворнее оно после дальних дорог. По сию пору свежи в моей памяти два больших путешествия с Виктором Коротаяевым. Первое — по земле Коми. Мы

получили из Сыктывкара — столицы этой большой республики — персональные приглашения на творческие встречи. Мы знали, что в этих местах когда-то утверждал Православие уроженец Великого Устюга мудрый и отважный Стефан Пермский.

И вот мы на земле Коми, в кругу здешних писателей и поэтов. Они такие же горячие в спорах, как и мы. И такие же гостеприимные в широких застольях. Два дня кочевали мы на автобусе по красивым местам, по деревням, по древним могильникам. Задушевно и познавательны были эти поездки. А затем коми-друзья отправили нас по великой реке Печоре до самого далекого городка Нарьян-Мара.

*...Ведь не ради же славы комолой
Я готов, как сегодня, и впредь,
Распахнув на ветру свои полы,
Всех и ближних, и дальних согреть.
Потому — как велось и ведется
На российской земле испокон —
Никакой холодок превосходства
Не касается наших сторон...*

Если же быть более точным, то кое-кто из коми-писателей уж очень подчеркнуто ратовал за свою национальную самобытность в жизни и в творчестве. И мы соглашались с ними, говоря, что русский язык не стремится “подминать под себя” язык коми. Дружеские застолья тем и памятны, что откровенны.

*Мы — не на уровне задачи,
Когда, пуская легкий дым,
В кругу
О Родине судачим:
Шумим!
Корим!
Боготворим!
Да, путь ее и многотруден,
И объясним не всякий раз...
Но Русь была.
И есть,
И будет
До нас,
При нас
И после нас!*

Если иссиня раскатистая Печора-матушка навевала, наплескивала нам обдумывание трудных вопросов жизни и соответствия ей собственной нашей поэзии, то через год очаровал нас своим великим могуществом Енисей-батюшко. Зазвал нас к себе на родину, в Красноярск, Виктор Астафьев, живший тогда в Вологде.

Огромны просторы и нашего вологодского края (поди-ко, вместились бы вся Франция), и зазывна темнохвойная да белоберезовая оторочка родных горизонтов, однако шире Сибирской земли и выше ее неба нету нигде на белом свете. Мы пребывали днями на палубе, дивясь гористыми очертаниями великой голубизны. Она хмелила нас, а енисейские свирелые перебаты бурлили, пенясь, и молодо шемили наши души.

И Виктор Петрович с доброй усмешкой поглядывал на нас, зачарованных и околдованных великой Сибирью. Он понимал, что для Поэзии, кроме великой правды сердца, необходимы и великие просторы раздумий.

И Виктор Коротаяев уже что-то колдовал над своей записной книжкой. А потом прочитал нам вот это свежее стихотворение.

*Суров и своенравен Енисей,
Могучи берега его и порты.
Над всей Сибирью,
Над Россией всей
Его и власть,
Наш капитан —
 ну, что за существо:
Опасность ближе,
 а лицо яснее.
Он уважает удаль Енисея,
Поскольку сам характером
В него...
И хочется забыть свои года,
Махнуть рукой
 на вечные вопросы.
Все бросить
 и пойти к нему в матросы,
И не жалеть об этом никогда!..*

Позднее Виктор Коротаяев путешествовал по Средиземноморью, но Европа никак — ни одной строкой — не отозвалась в его душе. После возвращения из “дальних странствий” он потащил нас с Асей к своей Вере и к дружескому застолью. Из его воспоминаний о средиземноморской Европе мы поняли одно: живут там лучше нас, но Поэзии там нету.

Конечно, Поэзия дается нелегко, но это зависит уже только от наших дарований. И тут припоминается мне, как Александр Яковлевич Яшин наставлял нас: “Нам все еще не хватает лирической философии, размышлений о жизни, откровений души. Не надо умалять значение своих переживаний. Душу свою надо вложить в поэзию, чтобы завоевать душу читателя”

И вот Виктор Коротаяев в последней своей книге “Единство” предстает как страстный защитник национальной идеи.

*Докатались, кажется, до точки,
Безоглядно,
Двигаясь вперед,
Если у сына или у дочки
Дефицит духовности
Растет...
Да к тому же — западные страны...
Шейки... Брейки...
Вопли естества...
Вот они и выросли, Иваны,*

*Что не помнят, в сущности,
Родства.
У меня растут и сын, и дочка.
Потому я и пекусь о том,
Чтобы стали им
Заглавной строчкой
Мать-Россия
И отцовский дом.*

Это была незатухающая до последних дней тревога и боль Виктора Коротаяева. Статей в газете он, кажется, не писал, а свою гражданскую озабоченность переплавлял в поэтическую публицистику, нередко достигая в ней взрывного воздействия. Он давно осознал, что в нашем писательстве должно быть духовное пастырство. То есть внушение добродетели, а не подстрекательство к разнуздыванию в людях скотских инстинктов.

Ведь истинная Поэзия — это всегда преодоление людского одиночества. Виктор Вениаминович и сам не искал затворничества, а рвался в многолюдство, в самую стихию народной жизни. Оттого и поэзия его наливалась страстной трибунностью.

Однажды Виктор зазвал меня в свою деревню, вблизи величавой Шексны. Там у него обустроенный дом. Там задушевный приют творчества и огородничества. И когда одолевала его городская суматоха, он вырывался туда, на природу. Как говаривал он, “чтобы разобраться в самом себе”.

*На огнеликую зарю,
Утиный лет,
Шенячью шалость —
На все,
На все давно смотрю,
Как будто бы
Со всем прощаюсь...*

Он нахмурился и сам полубопытствовал:

— А ты разве не думаешь об этом?

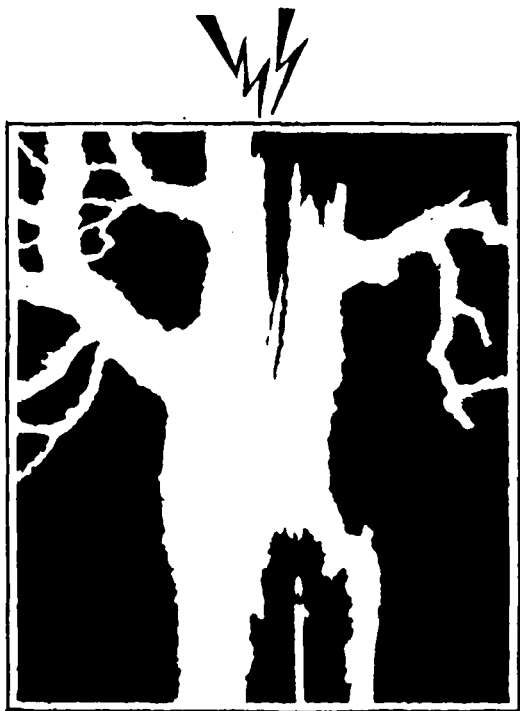
— Нечасто, но думаю,— ответил я.— Вот только писать об этом остерегаюсь. Ведь в стихах — навязчивая сила...

— А что написано на роду, того не миновать,— отозвался он. И разговор наш на этом угас...

Я, конечно, понимаю, что завершенных жизнью у творческих людей не бывает. У Александра Яшина, Сергея Орлова, Федора Абрамова, Николая Рубцова — жизни незавершенные. Вот теперь в этом ряду и Виктор Коротаяев. Но Поэзия его остается с нами. С родным народом. С милой Россией.

Александр РОМАНОВ

10—14 мая 1998 г.

* * *

Начались большие перемены:
Засветились
Темные углы,
Зашатались
Каменные стены,
Заходили
Тяжкие столы.
Забренчали
Полные графины,
Заплескался
Деготь и елей,
Задымились
Согнутые спины
Записных
И прочих писарей.
Зачадили
Чайные стаканы,
Засвистели
Пули не впервой,
Закачались
В парках истуканы,
Повалились
В травы головой,
От страстей,
Наверно, рухнут стены.
Все перемешали —
Свет и тьму.
Начались
Большие перемены.
К лучшему ли только —
Не пойму.

* * *

На кашке и ромашке день настоян,
И небеса встряхнулись
И зажглись
Сей милости
Не всяк просящий
Стоит,
Но стоит
Человеческая жизнь.

Прими ж рассвет
Как добрый знак участия
Самой природы
После всех дождей.
Пойми,
Что привередливое счастье
Зависимо не только
От вождей.

Но от листа багряного
Осины,
От ветерка,
Колблющего рожь...
А если поточнее —
От России,
В которой ты родился
И живешь.

* * *

“Не принимайте близко к сердцу
Любое горе
И печаль...”

Что ж,
Поделиться
Иноверцу
Расхожей мудростью
Не жаль.

Его религия,
Как мета
Над подвернувшейся строкой:
Сегодня — та,
А завтра — эта,
А можно —
Вовсе никакой.

Но как же быть
Единоверцу,
Что землю всю
И небосвод
Не просто
Принимает к сердцу,
А в сердце
Собственном
Несет?..

* * *

Когда-то свидеться придется
Летит вода,
Свистят года.

Хлебнем
Ядреной
Из колодца
И разлетимся —
Кто куда.
И не припомнит
Эта роша,
И эта речка вместе с ней
Застолья
Сдержанней и проше,
И слов
Сердечней и нежней.
И нам
Трепещущие полдни,
И рошу,
И речную гладь
Всем существом
Держать и помнить,
Хотя недолго
Вспоминать...
Поймут ли
Новые пришельцы
Язык травы
И слог листвы
И не окрутят ли
Умельцы,
Березке светлой
Головы,
Когда мы будем, вопрошая,
Смотреть на них
Сквозь мглу и тьму,
Но никому
Не помешаем,
И не поможем
Никому...

ЖАЛОСТЬ

В углу, далеко и убогом
Она —
Как павшая костьюи,
Земля,
Оставленная Богом,
Но не забытая
Людьми.

Тут все
Большим трудом
Дается —
Ни льгот,
Ни милости не жди!
Здесь меньше влаги,
Меньше солнца,
Но больше
Жалости в груди.

И лишь она
Одна,
Сдается,
В родстве с любовью
Искони
Людей спасала
От сиротства.
Бог даст,
Спасет
И в наши дни!

* * *

Мои дела не так уж плохи
И —
скажем прямо —
не плохи.

Не мутит хмель,
Не мучат блохи
И даже
Пишутся стихи.
Чего ж еще для счастья
Надо:
Помыт,
Побрит,
Обут,
Одет.
Да и тюремная ограда
Не заслоняет
Белый свет.
Но все еще чего-то хочет
Душа, отпетая давно,
И, поднимаясь среди ночи,
Глядит потерянно
В окно.
Как будто там,
Во мгле осенней
И в этой бездне ледяной
Ее надежда
И спасенье.
А вовсе
Не в себе самой...

* * *

Одолел я долгую дорогу,
Села одолел
И города
И в ближайшем будущем,
Ей-Богу,
Больше не поеду
Никуда.

Не бесстрастным взглядом
Тунеядца
Я смотрел в походное окно.
Но грозят мне пальцем:
“Хватит шляться!” —
Верстовые столбики
Давно.

Дома заждались
Жена и дело,
Липа у высокой городьбы.

У любой дороги нет предела,
Только есть он
У любой судьбы...

* * *

Набродился по белому свету,
По широкой
И гулкой земле,
Шумно радуясь
Красному лету,
Низко кланяясь
Снежной зиме.
Поднимался
На синие горы,
Опускался
На темное дно
И, пустые
Презрев разговоры,
Навсегда я усвоил
Одно:
Только в нашей

Великой державе,
Все познавшей —
И милость, и плеть —
В недоверье,
Позоре
Иль славе
Суждено мне
И плакать,
И петь.
Лишь бы в этой
Освоенной тверди
Сил хватило
До крайнего дня
У меня,—
Чтоб служить ей до смерти,
У нее,—
Чтобы верить в меня.

* * *

Извините, господа:
Вы попали не туда.
Здесь
Тяжелая вода,
Здесь
Хреновая еда.
Тут
Могильные кресты,
Выше горла
Нищеты,
Вдоволь грязи
И дерьма,
Шлакоблочные дома,
И высокая тюрьма
Заслонила
Терема.

Вы ж хотели увидеть
Неземную благодать:
Чтобы девки все —
В шелках,
Парни —
В модных пиджаках,
Старики —
Про новый труд
Только песенки поют.

Что поделаться, господа:
Вы попали
Не туда.
Мы картинки те
Давно
Отсмотрели все
В кино.

Но, представьте,
Только здесь
Мы свою познали
Честь,
Здесь
Детей своих растим,
В небеса пускаем
Дым,
Хлеб жуем
И водку пьем,
Тут
И плачем,
И поем.
И отсюда
Никогда
Не сбегали
Никуда.
Потому что
Только здесь

Наша родина и есть.
Ну, а горе —
Не беда.

Лучше выпьем, господа!

* * *

Прозреваю, слава Богу.
И, приветствуя зарю,
На себя перед дорогой
Зорко в зеркало смотрю.
Больше сивый, чем красивый,
Чаще в стуже, чем в тепле,
По случайности счастливой
Проживаю на земле.
Разгребая волны мрака,
Утверждая трезвый быт,
Мысль,
Как шустрая собака,
Впереди меня бежит.
И, за нею поспешая,
Осознав с людьми родство,
Никому не помешаю,
Не обижу никого.
Сам давно несу под сердцем
То ли горе,
То ль печаль.
Но сквозь слезы погорельца
Все ж гляжу
С надеждой
Вдаль.
Заживет в душе болячка,
И поправятся дела.
Только б верная собачка
Невзначай не подвела...

* * *

Нечеловеческая участь.
Проклятье даже,
Может быть:
Всю жизнь
Глухим бессильем мучась,
Ревнивой злобой
Исходить.

Как страшен он
И безобразен
На фоне
Заспанных тихонь,
Всенавидящего глаза
Испепеляющий огонь.

Давясь
Своей же темной кровью,
Он гнет
Страдальческую бровь...
А мы любовью,
Мы любовью
На эти зло
И нелюбовь.

А мы
Прощающей улыбкой,
Да пронимающим словцом,
Остротой мягкой,
Шуткой гибкой
Да необидчивым лицом.
На горечь личную
Наплюнем,
В узде
Придержим естество
На провокацию

Не клюнем.
А там посмотрим —
Кто кого...

* * *

А вечер тих. И свеж притом.
И вымыт честь по чести.
И все идет
Своим путем.
А сердце
Не на месте:
Сгорает
В адовом огне,
Над бездной
Зависает.
Его, как лодку
На волне,
И треплет,
И бросает.
Тут зубы стисни —
И держись:
Не в доме
На соломе.
Вся наша будущность
И жизнь
Опять
На переломе.
Все наше прошлое
Горит,
И нет конца
Напасти.
И снова шкурник
И бандит
Карабкаются к власти.

В глубоких бороздах
Чело,
Бугры
На каждой жиле.

Живется что-то
Тяжело.
Но, видно,—
Заслужили...

БЕРЕЖЛИВОСТЬ

Ты не последний и не первый.
Сегодня это общий зуд:
Все берегут зачем-то
Нервы,
А совести
Не берегут.

Во избежанье потрясений
Хоть создавай
Особ-спец-строй
И комитеты по спасенью
Остатней
Совести людской.

Воруют,
Рвут
И лгут безбожно
Ответ на все
Один всегда:
Прожить без совести
Несложно,
А вот без нервов-то
Куда?

Все это горько
И паскудно,
Но как внушишь
Уродцам тем:
Прожить без совести
Нетрудно,
Но только жить тогда —
Зачем?

ДИАЛОГ

— Ну, что ты все о поле,
О лесе,
О реке,
О вечной русской доле,
О бабе,
Мужике?
Неужто не нашел ты
Среди альпийских скал
Себе
Другой заботы?

— Не знаю, не искал.

— Ну, что ты все хлопчешь
О всяческой душе?
Во всех конторах
Почерк
Твой
Узнают уже.
В башке одна работа!
А отдохнуть от дел
Ей разве не охота?

— Не знаю, не глядел.

— Ну, что ты все о хлебе,
Про свой овес да рожь,
Как жаворонок в небе
Поешь,
Поешь,
Поешь.
Что лес твой —
Прочих глуше,
Что лучший —
Твой причал.
Ведь есть
Ничуть не хуже!

— Не знаю, не встречал.

* * *

При моем воспитанье и званье —
С высоты, предположим,
Ферзя —
На какие-то знаки
Вниманья
И рассчитывать нынче
Нельзя.
Был бы я, например,
Коммерсантом,
Представителем
Дикой страны
А надежней всего —
Эмигрантом,
Только самой последней
Волны —
Тут бы сразу
Вино и закуски,
Интервью,

Только пей — не робей.
Ну, а я всего-навсего
Русский,
Да к тому же
Крестьянских кровей.

Не толкался
На званных обедах,
Хоть известно
Во все времена:
На моих
Несгибаемых дедах
До сегодня держалась
Страна.
“Э-э, голубчик,
Не те обороты,
Застарелые мысли
И дух.
Патриоты —
Почти идиоты.
Это чуть ли не молвится
Вслух”.
Не хочу
Перевертышей слушать,
До всего докарабкаюсь
Сам.
А свою неразменную душу
Только родине милой
Отдам.
Но пора бы спросить
У всеильных,
Не смиряя ни голос,
Ни страсть:
Будет все-таки
В нашей России
Хоть когда-нибудь
Русская власть?

* * *

Еще не уставший от жизни,
Но вдоволь хлебнувший ее,
Брожу по родимой Отчизне,
Вторгаюсь в житье да бытие.
Хотя от такого
Вторженья,
Коль честно
Оценивать жизнь,
Не убыло в мире
Движенья,
Не прибыло тоже,
Кажись...
Зачем же присваивать
Право
Судьбу поворачивать
Вспять?
Губительна
Эта отравка —
Господство свое
Утверждать.
Не лучше ли встать
Под навесом
Едва уцелевших
Ветвей,
Прощенья
У речки и леса
Просить за себя
И детей.
Чтоб в этом
Примолкшем просторе,
Где трепетна каждая нить,
Пускай в неудобстве
И горе,
Но все-таки... Все-таки жить...

* * *

За что меня карает небо
И отвергают
Соловьи?
Я научился жить
Без хлеба,
Но не умею
Без любви.
Пусть ветром
Грозным и морозным
Мои ломает колоски,
Но только пусть не гаснут
Звезды
Надежды вечной
И тоски.
Все холодней и ниже
Солнце,
Все больше
Призраков во мгле.
Уже немного
Остается
Причин
Держаться на земле.
Но все же
Жжет десятилетия
Одно желание в крови:
Чтоб умереть
Не от бесклебья,
А —
Пусть и горькой —
Но любви.

* * *

Не возбуждая интереса,
Бродил по городу
Один...
Не как бездельник
И повеса,
А как приличный
Гражданин.
Пусть не во званье
И почете,
Зато не хмырь
И не фискал.
К тому ж ни разу
На учете
В милициях
Не состоял.
Светила окнами
Аптека,
Горели
Лычки на плечах.
Передовым
Идеям века
Пылала
Преданность
В очах.
Ах, как все это
Устарело!
Как будто
Минули века
И что кому теперь за дело
До всех достоинств
Простака?
Не зря работали
Машины
Непостижимо адских
Сил:

Поток,
Сорвавшийся с вершины,
Все монументы
Сокрушил.
Грохочут
Грозные копыта,
В полнеба
Дьявольская тень.
И мы начнем
Свой новый день
Опять
С разбитого корыта.

...Коль нам оставят
Этот день...

* * *

Все еще не надоело,
Будоража плоть
И кровь,
Обнажать на людях
Тело,
Имитировать
Любовь.
Стонут,
Стонут половицы,
Скачут,
Скачут удалцы,
Завитые
Кобылицы,
Записные
Жеребцы.
Обалденная картина:
Разогретая вином,

Среднерусская равнина
Заходила
Ходуном.
Завопили
Саксофоны,
Истерично хохоча,
Опрокинуты
Законы
По сигналу
Трубача.
Восхотевшая потехи,
Улюлюкает толпа.
Затрещали,
Как орехи,
Молодые черепа.
Окровавленные лица,
Рев
И вой,
И плач навзрыд.
И беспомощно
Милиция
Родимая
Свистит.
Что все это означает?
А, наверное,
Конец,
Коль никто
Не отвечает
За растление
Сердец.

* * *

Ни зависти, ни злобы...
Душа ясным-ясна.
В лесах кругом — сугробы,
А в Вологде — весна.

И тает, и сверкает,
И булькает вода.
Она у нас такая,
Для темных — Вологда́.

А в поколение новом
Не будет ей цены:
На поле Куликовом
Прославились сыны.

Все у нее прекрасно —
От талии до плеч.
И взор сияет ясно,
И внятно льется речь.

И сладко пахнет булкой
И близкою листвою.
Гуляю переулком
От счастья сам не свой.

Пусть гадости напился,
Но с радости ору:
Я в Вологде родился
И в Вологде помру.

28.02.97. Полдень, “Новый источник”

* * *

Дунул в окна полуночный ветер —
И с полей васильковых
Принес
Горьковатые сумерки
Веток,
Золотистые полдни
Берез.

Холодок
Родниковых ромашек,
Бражный дух
Молодых клеверов
И медовую солнечность
Кашек,
Что сомлели
Во мгле вечеров.

Сколько сразу —
Цветенья,
Кипенья,
И волнения
Трав и ветвей
А всего-то —
Одно дуновенье
От родимых
Российских полей.

ВОЛОГДА

К 850-летию Вологды

Вологда, Вологда, Вологда,
Как, золотая, дела?
Годы разрухи и голода
Ты у нас пережила.

Но не сломилась под ношею,
Милый ты мой человек,
Доброй, простой и хорошею
Так и осталась навек.

Славная русскими лицами,
Как молодая заря.
Чуть ли не стала столицей,
Это ведь тоже не зря.

Богом с рожденья отмечена
Знаком особым в судьбе.
Нечего, нечего, нечего
Больше бояться тебе.

Мы твои дети законные,
Мать свою любим и чтим.
Как перед светлой иконою,
Перед тобою стоим.

Богом с рожденья отмечена
Знаком особым в судьбе.
Нечего, нечего, нечего
Больше бояться тебе.

04.03.97. "Новый Источник".

НА РОДИНЕ РУБЦОВА

Ну, что же, друг, я вновь к тебе приехал,
И вновь меня
В простуженной тиши
Встречает
Нарастающее эхо
Твоей
Освободившейся
Души;
Где, одолев
Крещенские морозы,

Знобя и сотряся
Берега,
Шумят
Твои бездомные березы,
Свистят
Твои сиротские снега.
И ни забвенья нет,
Ни избавленья
От той,
Сверлящей самой,
Может быть,
Постыднейшей
Утраты поколенья,
Что ни простить,
Ни смыть,
Ни объяснить.
А где-то ходит по свету
Убийца
И, к жалости взывая
Без конца,
На людях
Не боится,
Не стыдится
Показывать
Порочного лица.
Угрюмо провожает
Пароходы —
И глухо стонет
Пристанский настил.
А ты не помрачнел
За эти годы,
И говорят,
Что даже
Всё простил.
Но помню я
Закатную полуду,
Прощальные снега,

Собачий брех,
И ничего вовеки
Не забуду,
Поскольку стал
Злопамятнее всех...
Я тоже
Безголовой круговерти
Отдал всю душу,
Воя и любя.
И не боюсь
Ни жизни
И ни смерти,
Хоть и страшусь таких,
Как у тебя...

ВОЛОГОДСКИЙ МАРШ

К 850-летию Вологды

Нагрянут дожди и морозы —
Неведом для русичей страх.
Опять благодарные слезы
Сверкают у нас на глазах.

А Вологда снова и снова
Сияет в лучах синевы.
И по сердцу русское слово
Ровеснице древней Москвы.

Мы выглядим часто сурово,
Нас мучают горе и стыд,
Но в поле взглядись Куликово —
Там слава и наша горит.

А Вологда снова и снова
Сияет в лучах синевы.
И по сердцу русское слово
Ровеснице древней Москвы.

И боль, и страдания без меры —
Все было на грозном пути.
Но смотрим в грядущее с верой —
Она не должна подвести.

Ведь Вологда снова и снова
Сияет в лучах синевы
И по сердцу русское слово
Ровеснице древней Москвы.

03.03.97 г. "Новый источник".

* * *

Кровь пролилась. Пробоины зияют.
И дым, и мгла спустились впереди.
Лишь ордена победные сияют
На выпуклой разбойничьей груди.

Кровь вопиет над всем российским краем,
Штатает путеводную звезду,
Но — выплакано все. Мы умолкаем.
А вы готовьтесь к Божьему суду.

18 ноября 1993 г.

* * *

Захлебнулась туманом округа.
Словно облачный вышел обвал.
Слабый голос
Ушедшего друга,
Как с большой глубины,
Выплывал.
Что кричал он
Со дна преисподней,
Молчаливый всегда
Человек?
Может,
С нами простясь
На сегодня,
Захотел попрощаться
Навек?
Пароходный гудок
Громогласно
Прошибал этот морок
Насквозь.
Но, что было вчера еще
Ясно,—
Все в тумане теперь
Расплылось.
И металась душа,
И стенала,
Ощущая непрочную
Твердь,
И глаза протирала
Устало,
Что-то силясь
Вдали рассмотреть.
И осенние чайки
Кричали,
Убеждая опять
И опять,

Что без вечной тоски
И печали
Ничего
Невозможно
Понять.

* * *

Любой чиновник заменим,
Поэт —
Незаменим.
Особый блеск
Веселых зим
И лет
Стоит за ним.
Особый свет
Прямых берез,
Особый звон
Ручья,
И запах трав,
И легкость рос,
И — тяжесть бытия.
Все наособицу
Всегда,
Во всем
Иной отсчет.
И даже
Пресная вода
Не пресною
Течет.
Вдруг оживет
Тлетворный дух
Под свежим
Ветерком,

И даже
Умерший лопух
Становится
Цветком.
Порой поверится почти
Мне, старому хрычу,
Что всю Вселенную
Спасти
Поэтам
По плечу,
И потому,
Летя в зарю
И эту жизнь любя,
Я так свободно
Говорю,
Что я —
Не про себя...

ЗАПОВЕДЬ

Не писулькою бумажной —
Продиктовано судьбой:
В этой жизни
Очень важно
Быть всегда
Самим собой.

Распускайся пышным цветом,
Расправляй плечо и грудь!
Если ты рожден
Поэтом,
То сапожником
Не будь.

Но и сдуру не гордися,
Поумерь
Пустую спесь:
Коль сапожником
Родился —
В прорицатели
Не лезь!

Если б стал любому ясен
Этот простенький урок,
Меньше было б
Плоских басен,
Но — прибавилось
Сапог.

* * *

Никто не знает, слава Богу,
Ни дома,
Ни на стороне,
Какую грозную
Дорогу
Судьбина
Выдумала мне.
Но никаких претензий
Нету.
Хватило б разума
И сил.
Я никогда
По белу свету
В модельных туфлях
Не ходил.
Оно способнее,
Однако,

С кремневым
Посохом в руках
По хлябям,
Рвам
И буеракам
Брести
В болотных сапогах.
Тут нету места
Долгой грусти,
И не в ходу
Высокий слог.
Но каждый кустик
Спать запустит
И не откажет —
Каждый стог.
И в тишине
Последних комнат
Под заоконный
Шум авто,
Наверно, будет,
Что припомнить —
Ведь оглянуться
Есть на что...

ОРГАН

Высок и светел свод,
Поля и доли
Немы.
Опять орган
Ведет
Божественную тему.

Смягчается мороз
И боль,
И души чисты.
Но самых честных
Слез
Стыдятся
Атеисты.
Взбивают парики,
Развертывают плечи.
Поплачьте,
Чудаки,
Ведь сразу станет
Легче.
Пускай — ведущий класс,
Но вы
Живые люди.
И на собрание
Вас
Никто ругать
Не будет.
Да, не закончен сруб.
Да, недобрали хлеба.
Но —
Десять тысяч труб,
И все зовут
На небо!..
Там
Синяя звезда,
Там
Свет любви и братства.
Ведь надо
Иногда
Над бытом
Подниматься.
Стряхнуть с себя
Тряпье,
Чтоб с той

Надмирной выси
Ничтожество свое
По-новому
Осмыслить.
В крамолу и обман,
Неверье и незнание
Не даст упасть
Орган —
Всесветное
Создание.
Он призван сохранить
Не ставшее золою —
Связующая нить
Меж небом
И землею.

* * *

За ржавую оградою
Разуты и раздеты,
Опять деревья
Падают,
Но бодрствуют
Поэты.

Звереет ветер
С полюса.
У птиц
Сплошные тризны.
Но не теряют
Голоса
Певцы
Родной Отчизны.

Уже прохвосты
Каются,
О пол
Затылком бьются.
Правительства
Меняются,
Поэты
Остаются!

ТВОРЕЦ

Повторял он коллегам упрямо,
Как на стенку бетонную
Лез:
“Все вы гении,
Если я пьяный,
Все вы бездари,
Если я трезв”.
Не бранили его
И не били,
Оскорбленно
Брались за дела.
Понимали,
Бесясь от бессилья:
В этом
Вправду “сермяга” была.
Распускались и пели
Березы,
Расцветал,
Зазывал
Краснотал.
Только он
Абсолютно тверезым,

К сожаленью,
Все реже бывал.
А коллеги —
Не то, чтобы рады,—
Но по праву, считают,—
За труд
Получают чины
И награды.
И живут.
И неплохо живут...

ИМЯ

Этой жизни закон непреложен:
Наше имечко,
Данное раз,
Вместе с нами
Подержится, может,
Но сомнительно, чтоб —
После нас...
Так же будет светиться
Столица,
Так же будет кружить
Воронье
И речушка под горку
Катиться...
Но забудется
Имя твое.
Стены этих прокуренных
Комнат,
Батарей приостывших
Литьё,
Смрадный дух табачища
Запомнят...

Но не имя,
Не имя твое.
Будет небо в озера
Глядеться,
Будет падать роса
На жнивье
И аукаться юность
И детство...
Но забудется
Имя твое.

ПАРАДОКС

Ну, не смешно ли, в самом деле:
У человека
В сорок лет
По восемь пятниц
На неделе,
А четвергов
В помине нет.
Снабжен
Энергией великой,
Поднявшись утром
На дыбы,
Соседей скличет
За брусникой,
А сам укатит
По грибы.
Понасулит
Златые горы
И реки,
Полные вина,
Но все посулы —
Договоры

Не стоят ровно
Ни хрена.
“Чтоб не видать тебе
Свободы!” —
Клянем его
Десятки лет,
Но без таких
“Детей природы”
И белый свет —
Не белый свет...

ПЕСЕНКА О СКОРОСТИ

Когда меня торопят,
Мне вспоминается
Весьма печальный опыт
Знакомого творца.
Он брал любые ноши,
В любые дыры лез,
Вынослив,
Точно лошадь,
Лукав,
Как старый бес.
Нетерпелив при этом,
Он на своей метле
Летал
Быстрее света,
А пребывал
Во мгле.
Он вечно суетился,
Хотел вкусить всего
А я не торопился
И —
Обгонял его.

Он рвал густые пряди,
Он исторгал
Металл,
Но ничего
В раскладе
Таком
Не понимал.
Ведь не шадил
Ни тела,
Ни напряженных жил...
Да он
За ради дела
Полжизни положил!
Живущий в ультра-стиле,
Он думал,
Мой сосед,
Что в скорости
И силе
Залог
Любых побед.
Но не добился блага
И зря растратил пыл

Достоинство,
Бедняга,
Да совесть,
Бедолага,
Талантливость,
Трудяга,
Из виду
Упустил.

* * *

Люблю деревенскую баню,
Священный ее ритуал.
“Скажи-ко,
Водичку-то, Ваня,
С какого колодчика
Брал?”
“С какого...
Да вон, с рядового”
“Э-э-э, милой,
Ходил не туда...
Для баньки хорошей
Основа —
Запомни —
Речная вода!
Бери на плечо коромысло
И топай, родимый, за ней”.
И спорить с хозяйкою
Смысла
Почти никакого, ей-ей.
Но вот и набульканы фляги,
И полный набухан котел.
И в сердце довольно отваги,
Чтоб выскоблить
Полок и пол.
Чтоб все
По-христовому было,
Чтоб крикал
Уваженный зять.
Да мыло бы надобно,
Мыло
До мойки
В предбанник убрать.
Чтоб людям глаза не щипало
Да мутью
Не застило зрак.

Уж больно едуче попало:
Наверно, из местных собак.
Как пышет прогретая топка!
А зять,
Приспустившись с высот,
Беремя
Промятою тропкой
Березовых дровец
Несет.
А веник запарен весенний,
В предбаннике даже — жара.
“Каких еще вам наслаждений?”
“Достаточно, братцы, —
Пора!”
И — самая первая ходка
Сравненья не вижу честней:
И спирт,
И, конечно же, водка
Ничто по сравнению с ней.
От пара
Задрыгает крыша,
На каменке
Камень рванет,
И тело задышит,
Задышит
И на пол
Само упадет.
А ходка вторая и третья
Едва ль выразимы в словах:
Там только
Одни междометья,
То — “Ох!”,
То — особенно —
“Ах!”

ПОПРАВКА

Твердим: у каждого свой путь!
Но ты, однако,
Не забудь:
Хоть он и свой,
Но шибко разный —
Пустой.
Прекрасный.
Безобразный.

ОРУЖИЕ

Оружие юношей красит.
Строжит.
И взрослит, наконец.
При нем ты не Петя,
Не Вася,
А воин,
Защитник,
Боец.
И силы добавит,
И воли,
И грозного чувства
Полка.
Оно никому
Не позволит
С тобой говорить
Свысока.
Студентки,
И те, в самом деле,
Устав
От пространных речей,

Вчера на тебя
Не глядели,
А нынче
Не сводят очей.
Не легкое, правда,
Оружье.
Но в этом
Его существо.
И сам ты
Серьезней и глубже
Глядишь
На себя самого.
Пускай на плечах
И не пушка,
Но, за ночь
Пронизан росой,
Не бросишься с ним
За подружкой
Иль в очередь
За колбасой.
Добавим
В конце разговору:
И честь,
И хвала молодым.
Оружие
Юношам впору,
И старцы
Завидуют им.

СМЕХ

Гудит ветрище,
Валит снег,
А у светящейся витрины

Смеется
Юный человек.
Похоже,
Вовсе без причины.
Он заливается вовсю,
Не угнетенный
Положеньем,
Порой
Подобно поросю
Похрюкивая
С наслажденьем.
Под ноги выронил суму,
Почти согнулся до ботинка.
Определенно
В рот ему
Попала
Крупная смешинка.
Хоть подставляй, бедняге, стул,
Так он не сдюжит
И на стуле.
Быть может, он кого
Надул?
А может быть, его
Надули?
Бессильно свешена рука,
Безвольно
Брошена газета;
И видно,
Что ему пока
Совсем без разницы
Все это.
Он счастлив
Жить в родном краю,
И все он
Знает-понимает.
И жизнь, конечно же, свою
На полосы

Не разделяет.
В нем бьют ключи,
Бурлят ручьи,
И тут остановиться —
Где уж?
Посмейся, милый,
Поквохчи.
Наплакаться
Еще успеешь.

* * *

Еще снега лежат в оврагах,
Но ветер,
Тянущий с болот,
Неотстоявшеюся брагой
Нет-нет, да вроде
И пахнет.
А в предвкушении апреля,
Грядущей
Радуюсь весне,
Все шишечки
Помолодели...
На каждой елке
И сосне.
Побеги новые
Под вечер
На юных сосенках
Подряд,
Как будто
Свадебные свечи,
Еще пронзительней
Горят.
Полно
Доверчивого свету

И не видать
Угрюмых лиц.
Весны пока
И близко нету,
А по́лы настезь
У девиц.
Разубеждать ты их
Не пробуй,
Они не слышали
Со сна,
Что обещается
Недоброй
Вся предстоящая
Весна.
Вот так и я:
Сдвигая числа,
Себе на радость
И беду,
Еще ты из дому
Не вышла —
А весь свечусь,
Горю
И жду...

ДЕТИ В ВОЗДУХЕ

В ребячем сердце — потрясенье:
Впервой,
Приблизив небосвод,
Их принял на борт
Самолет,
К тому же —
В яркий день весенний.

И — отступили все границы,
И дети,
Вдаль вперяя взгляд,
Как окосевшие синицы,
В иллюминаторы глядят.

От несбытаемой этой жизни
Поют их души
И тела:
Ведь никогда еще
Отчизна
Такой безбрежной
Не была.

И ели видимые тропки,
И с легковушками большак,
И домики,
И берег топкий —
Досель
Не поражали так.
А облака
Плывут под ними,
Под ними
Пучится гроза.
Но выплывший свет
В огне и дыме
Не застигает им
Глаза.

Они цыплячьи тянут бни:
Здесь все им в радость,
Все им в честь.
И, верно, чувствуют
Впервые,
Что это
Година и ести!

* * *

Занимался над лесом восход,
Просыпалась
Черничная завязь,
И так низко летел
Самолет,
Что деревья под ним
Расступались.
Пусть, развесив серебряный дым,
Унеслась
Косокрылая птица —
Перепугана
Ревом таким,
Торопилась черника
Развиться.
Торопились раскрыться
Цветы,
Несмотря
На давление елок,
И на юной березе
Листы
Понимали,
Что век их
Недолог.
Понимал эту данность
И я,
Вспоминал
Разнотравие детства —
И на каждый
Цветок бытия
Торопился — скорей! — наглядеться.

* * *

Застоялся конь в опале,
Свыкся, видно по всему...
Слишком долго
Не давали
Вольной волюшки
Ему.
Разучился
Бить копытом,
Глаз косить
И нервно ржать,
Пред зазнойбой
Именитой
Гордо
Голову держать.
Потому он тянет
Дровни,
Как тому
И надлежит:
Спотыкается
На ровном
И под горку
Не бежит.
Значит, с самой умной
Миной,—
Словно веря в чудеса,—
Коновод внедрял
Мякину
Вместо зрелого
Овса.
Значит, слишком все же
Рьяно
Удилами
Рвали рот,
Необдуманно и пьяно
Ездил всякий

Оборот.
А теперь глядят
В надежде:
Мол, голубчик,
Вывози,
Напрягись,
Упрись,
Как прежде,
Но не дай
Пропасть в грязи.
Вот бы эту всю компашку,
Отстранив от прочих дел,
В лошадиную упряжку...

То-то я бы поглядел!

* * *

Снег, порозовевший от заката,
Елочки стесненные
Над ним...
Это все
Еще давно когда-то
Стало и родным,
И дорогим.
Утренняя
Легкая пороша,
В конуре храпит
Лохматый страж,
Рядом с ним
Дырявая галоша,
Что не портит
Северный пейзаж.
Бабушка

Подойником тряхнула —
Мирно припухавший
До поры
Кот сорвался,
Заспанный,
Со стула,
И раздался бас
Из конуры.
Мирные
Далекие картины,
Заурядный, в целом,
Вид и ряд.
Населенью —
 больше половины —
Ни о чем они
Не говорят.

* * *

С недоверьем узнаешь из книг
И душою поймешь постепенно:
Человеческий век —
Это миг
В нескончаемой жизни
Вселенной;

Этот миг,
Этот солнечный пик —
Смех и слезы,
Рыдания и песни —
Все обязан вобрать
И вместить,
Чтобы не был
Ни постным,
Ни пресным.

Потому что —
Пускай божество
Будет вечно содействовать людям,—
Для тебя
Никогда,
Ничего,
Кроме этого мига,—
Не будет...

* * *

Стану думать о здоровье,
В меру есть
И в меру спать,
Молоко начну
Коровье
Вместо “шнапсу”
Покупать.
Не позволю сигареты,
Чтобы кашлять не пришлось.
Лучше буду есть
Конфеты:
Заработаю, небось...
А — поскольку телом вызрел,—
Чтоб не вляпаться в беду,
К разным женщинам
На выстрел —
Пушечный —
Не подойду.
И выгуливать, наверно,
Сам себя
По два часа
Поклянусь
Ежевечерне,

Как породистого пса.
Духом свеж
И ликом светел,
Не горюя ни о ком,
Так и буду жить на свете.
Припеваючи при том.
Никаких речей о тризне!
Одолею боль и грусть.
Если вдруг
От этой жизни
Невзначай
Не удавлюсь...

* * *

От забот — от мирских — устав,
Утешения не найдя,
Уплыву
По разводью трав
В золотой березняк
Дождя.
Будут щеки мои
Мокры,
Будет капать
С любых одежд.
Но откроются вдруг
Миры
Заповедных моих
Надежд.
Там бежит
По песку вода,
Птицы свищут
Наперебой.
Там не ссорятся

Никогда
Люди добрые
Меж собой.
По сырому пройду
Песку
Потихонечку
Взад-вперед.
Смоет речка с меня
Тоску,
В сердце радость — по край —
Нальет.
И шепну я,
Покой блюда,
Чтоб не в сказке,
А наяву
Золотой березняк
Дождя
Надо мною
Сомкнул листву.

* * *

Расти с природою в согласье,
Лежать в траве,
Летать во сне...
Ну, почему
Такого счастья
Когда-то было
Мало мне?
Ушел
Под грозы мироздания,
Попёр,
Не сдерживая прыть,
Чтоб за убийственное
Знание

Цветущей юностью
Платить.
На сквозняках
Родной Отчизны
И рано,
И напрасно я
Увидел
Все величье жизни
И всю ничтожность
Бытия.
Теперь сижу
За тесной дверцей,
Встречаю свет
И темноту —
С налетом окиси
На сердце
И ржавым привкусом
Во рту.
Хоть знаю,
Что скорбеть не вправе:
Не все же выжжено
В душе.
Но половины
Не поправить.
Да и не надобно
Уже...

* * *

Какой восход!
Какой высокий свод!
Какой полет
У ясных крыльях чаек!
Счастливый год.

А милая идет —
Старательно
Меня не замечает.

На мой привет
Ни полсловечка нет.
Итак, обет
Великого молчанья
Но это бред!
Нам не по двадцать лет,
Чтоб доходить
До самоистязанья.

Очнись, любовь.
Себе не прекословь.
Давай же вновь
Беречь тепло друг друга.
Немеет кровь,
Когда молчит любовь
И следом
Навзничь
Падает округа.
Да будет лад,
Как двадцать лет назад.
Да будет взгляд
Приветлив,
Добр
И ярок.
Любовь как сад,
Что в яблоках до пят.
Бывает ли
Прекраснее подарок?..

* * *

Все говорят, что мы с тобою — пара,
Но в утверждении
Видимый изъян:
Быть может, ты
По-прежнему гитара,
Да я-то стал похож
На барабан.

Шумлю, гремлю
Но в громе мало толку.
Не тот настрой,
И строй не тот,
И звук.
Зато тебе
Лишь стоит вскинуть челку —
И все преобразается
Вокруг.

Звенит река
И каждый луч в восходе,
Поют овсы,
Вовсю звучат леса,
И все разнообразие мелодий
Счастливо повторяют
Небеса.

И, музыке немеркнушей внимая,
Вмешательством ни звука не губя,
Я ей с душой, конечно,
Подпеваю,
Но в основном, конечно,
Про себя.

ДОЧКА СПИТ

Она еще во сне бежит,
Бельё ножонками
Лягает,
И так спешит!
Ну, так спешит!
Кого-то, видно,
Догоняет.
Почти кричит:
“Моряк!”
“Моряк!”
Куда-то мчит
Напропалую,
Губами тычется
В тюфяк:
Собачку, кажется,
Целует.
Вот —
С боку на бок
Поворот.
Подушка, обнятая
Туго.
Счастливый вздох,
В улыбке рот:
Ну, наконец,
Нашли друг друга.
Но вновь диванчик
Заскрипел:
Видать, пришел
Михал Иваныч.
Ах, сколько
Неотложных дел
У маленькой
Осталось на ночь.
Давно по норам спят
Ежи,

Давно за тучу село
Солнце.
И лишь она бежит,
Бежит...
Пока об утро
Не споткнется.

* * *

Я так хотел проснуться на рассвете,
Чтоб подсмотреть,
Как солнышко встает.
Но слишком был нелепым
Перед этим
И длительным,
И трудным
Переход.

А одолеть
Великую усталость
Необходимо было:
С высоты
В рассветный час
На землю опускалась
Вся ждущая,
Трепещущая —
Ты.

Не знаю,
Кто помог в моих заботах.
Такое
В мертвом царстве
Диких скал
Бывает раз —
ну два! —
в четыре года:

И выспался.
И счастья не проспал!

ПРИГЛАШЕНИЕ

Давным-давно сошли снега,
Горит сосна,
Блестит рябина
Лишь ты по-прежнему
Строга,
Строга,
Как зимняя равнина.
Но знаю я,
Как любишь ты
Сорваться с места
Без оглядки.
А здесь
Деревья и кусты
В таком изящном
Беспорядке.
А здесь
Зеркальная река
Несуетливая такая,
Что кучевые облака
Над ней,
Как лебеди,
Сверкают.
Ты приезжай.
И в ранний час
Поймешь,
Гордись и торжествуя,
Какая родина
У нас
Пока
С тобою
Существует...

* * *

Что-то слишком тяжел понедельник,
Но с тоски
Не влезать же в петлю...
Вот возьму,
Заработаю денег,—
И чего-нибудь
Маме куплю.
Отряхнусь,
Повращаю очами —
И войду, независим и смел.
А она головой покачает:
“Что-то снова напутать успел...”
Как всегда, понимающим взглядом
Межсезонье развеет в душе.
“Ведь тебе, непослушное чадо,
На четвертый десяток уже”.
Ах, какой там четвертый десяток,
Да к тому ж положенье мое,
Если снова,
Не чувствуя пяток,
Я стою под ладонью ее.
Вновь под сводами этого храма
Я замечу, что горло свело:
Мы спешим
К нашим слабеньким мамам,
Лишь когда нам самим тяжело.
От нее я уйду с новой силой,
С головою зарююсь в труды
И зажить хорошо и красиво
Постараюсь.
До новой беды...

* * *

Видно, это что-то значит,
Есть какой-то
Свой отсчет,
Если меркнет
Одуванчик,
Лишь кувшинка
Зацветет.
Три шажочка
До объятя.
И уже тревожно нам,
Коли юный
Шелест платья
Кружит головы
Сынам.
Воздух
Близкого соседства
Оглушает новичков.
Стук
Растерянного сердца
Стук
Смущенных каблучков
У самих
Все это было.
Только средь каких широт?
Было?
Было
Сплыло?
Сплыло
А чего ж душа
Поет?

* * *

Как рано холодом подуло!
Как быстро
Кончилось тепло
Очарование
Минуло,
И вдохновение
Ушло.

Но — надо жить,
И можно выжить,
Достанет нервов,
Хватит сил.
Была бы ты
Ко мне поближе,
Да я б к тебе
Поближе был.

КАЮСЬ

Что же я? Как же я?
Словно доля —
Не моя...
Мну ее
И комкаю,
Как траву глубокую.
Я ль зарок
Не давал
Не дурить,
Хоть и удал,
Поскромней
Себя вести

И не путать
Ценности.
Я ж на свете
Не один.
У меня и дочь,
И сын,
У меня еще
Жена
Да родимая
Страна.
Как же надо
Мудро жить,
Честью-славой
Дорожить,
Отбивать
Любую мразь,
Чтоб до срока
Не упасть.
Хорошо еще
Хоть я
Не валяюсь,
Как свинья.
И, тревожась
За семью,
Под заборами
Не пью.
Да простят меня
Жена
И любимая
Страна...

Раз дошло
До подлеца,
Значит,
Пал
Не до конца.

ОТЪЕЗД

Ветра гудят, неистовы,
И пасмурен восход.
И пальма
Крутит листьями,
Почти как вертолет.
Не просыхает улица,
А дождик
Льет опять:
Мол, хватит
В море булькаться,
Довольно
Загорать.
И так превысил
Меры все,
Наел
Такую грудь,
Как будто вознамерился
Весь мир
Перевернуть.
Подумай
Хоть немножко-то:
Досыта
Род людской
Нажился
Кверху ножками
Да книзу
Головой.
Ему в своем Отечестве,
Не думая тужить,
Еще б
По-человечески
Малешенько
Пожить.
Чтоб с неба
Грело солнышко,

Весной
Цвела ветла.
Чтоб девочка
Аленушка
Под солнышком
Росла.
И цель твоя,
Казалось бы,
Проста
Как день и ночь:
Хоть людям
В этой малости
Практически помочь!

* * *

Никуда не уйдут поезда,
Никуда самолеты
Не денутся.
Поплывем-ка, родная,
Туда,
Где блистает в лесах
Воскресеньеце.
Посидим
На березовом пне,
Поглядим
На дрозда черноглазого,
Чтобы завтра
О нынешнем дне
Было что вспоминать
И рассказывать.
Как не выкроить
Лишний часок
Для такой человеческой

Прихоти,
Если годы уходят
В песок,
И вовек их оттуда
Не выхватить.
Вся судьба наша —
Замкнутый круг,
За него мы ни разу
Не вылезли.
Самый лучший правительству
Друг —
Это все же
Собачка на привязи.
Неужели ни разу
“За жисть” —
Записных бунтарей
Соплеменники —
Не сумеем
Ни цепь перегрызть,
Ни ременные сбросить
Ошейники?
Все сегодня
Способствует нам:
В магазине селедка
И водочка,
И плывет
По веселым волнам
К нам навстречу
Свободная лодочка...

* * *

Почти что в двух шагах от пирса
Благоухает
Вешний день

Набухли
Венчики аниса,
Лопух в канаве
Обнажился,
Под утро
Прянула сирень,
И — на тебе! —
Раздухарился,
Раскипятился,
Разозлился
И опушился
Старый пенъ.

Теперь спускай на воду
Лодку,
Сажай в нее
Свою молодку
(Да прихвати —
Не дрейфы! —
Селедку)
И угребайся
За реку.
Там зацвели, поди,
Купавы,
Там поднялись, конечно,
Травы.
Ах, эти вешние
Забавы...
И все такому
Дураку!
Но — ничего,
Мы разберемся,
Своим умишком
Обойдемся
И как-нибудь
Сообразим,
В какой камыш

Упрятать лодку,
Как вынести на берег
Молодку,
Чему последовать
За сим...

Одна печаль:
Весна напомним,
Что берега
Прохладной комнат...
Но разгорится
Белый день,
Зальется счастливо
Синица.
Лишь голова
Не опухнет,
Как опухнет
Старый пень.
Зато придут
Воспоминанья,
Как я гулял здесь
Вешней ранью
На девятнадцатом году.
“Да были,—
выдохну,—
умельцы!”

Повеселю,
Потешу сердце —
И с этим
В лето
Перейду.

* * *

Неудачной любви не бывает,
Не бывает
Несчастной любви.
Может, этого
Кто-то не знает,
Но об этом
Поют соловьи.
Как они рассыпают
Рулады,
Заливаются
В ближнем кусте.
И не надо,
Не надо,
Не надо
Сомневаться
В ее правоте.
Ну, а кто в суете
И обиде
Проклинает
Непризнанный пыл,—
Тот пока
Неудачи не видел
И несчастья еще
Не хватил...

ОНИ

Да пусть они горят себе огнем!
Нам не до них,
Мы при своей заботе.
Не спим ночей
И вкалываем днем.

Спина в поту,
Зато душа — в полете.

Ведь надо же когда-то, наконец,
Излить
Свою придушенную душу.
Вот я и муж.
И дважды я — отец,
А все еще
Каких-то клерков
Трушу.

Наследство
Приснопамятных времен...
Их не клянет
Лишь сдержанный да мертвый.
Прошел второй
И третий эшелон,
И, кажется, готовится
Четвертый...

Они нам жить спокойно
Не дадут;
Не та натура
И не те задачи.
Но наш девиз: терпение и труд!
Не так бы надо,
Да нельзя иначе.

А, значит,
Снова пояс затяни
И зубы стисни, улыбаясь маю.
Когда-нибудь придут
И наши дни.
Дожить бы...
Но удастся ли,—
Не знаю.

* * *

Много жил и бродил я на свете,
Знал друзей и врагов,
Но пока
Не случилось
Любовь свою
Встретить:
Так родная земля
Широка.
Примирился
С доставшейся долей,
На чужую —
 полегче —
 не льщусь.
Но зато я в скитаниях
Вволю
Нагляделся
На бедную Русь.
На горячку причалов
И станций,
На старушек,
Таких удалых,
На всецело серебряных
Старцев...
И на женщин,
Вовсю золотых.
Их связала
Единая доля:
В светлый праздник
И черную ночь
По грязи
Через лес,
Через поле
Новой жизни
Телегу волочь.
И не раз

Неуклюжее слово
Я ронял
Над стоячей водой.
А мои неурядицы
Снова
Перед общей
Бледнели
Бедой.
Глядя,
Как надрываются люди,
Я шептал и шепчу
Об одном:
Бог поможет —
Еще мы полюбим,
Озарит —
По-людски поживем...

* * *

Любовь доказывать не надо,
Пускай,
Лукаво пряча взгляд,
Доказывает
Виноватый,
Что он ни в чем
Не виноват.

А я люблю,
С тоской и пылом
Принадлежа тебе одной,
Горжусь открыто перед миром
Не всем доступною
Виной.

* * *

Пришла пора замаливать грехи.
Не так уж много времени осталось.
Не зря,
Не зря предзимняя усталость
Диктует
Покаянные стихи.
Пора,
Пора замаливать грехи.

В каких я только водах
Не тонул,
В каких лесах и поймах
Не блудился.
И бился
О гнилые сваи пирса,
И слушал
Вечных недр
Утробный гул
Но линию свою,
Однако, гнул.

Нет, я не отпеваю
Сам себя.
Я просто мыслю
Трезво и бесстрашно,
Что пожил вволю,
Плача и любя
И только жаль
Осиротить тебя...

Все остальное — в принципе —
Не важно.

20.09.96. Ночь.

НЕХРИСТИ

Молодчики били умело.
С растяжкой,
С оттяжкой —
На ять!
Чтоб ныло и плакало
Тело,
Но чтоб синяков —
Не видать.
Слепые приспешники
Власти,
Вполне презирая
Рубли,
По этой заведомой
Части
Великую школу
Прошли.
Ах, как они “грамотно”
Били —
Со знанием,
И с толком,
И всласть.
Не зря им
Негласно вручили,
Пускай и такую,—
Но власть.
Работали четко
И чисто,
Давали не только
Под дых...
Фашисты могли б
Поучиться —
И с пользой —
У многих из них.
Слюной исходившие
В раже,

Кривили в брезгливости
Рот.
Никто
Не задумался даже,
Что свой добивают
Народ.
Живут и теперь.
Осторожно.
Не выкажут
Прежнюю прыть.
Но время
Их морду бульдожьё
Бессильно
В лицо превратить.
Не зря они
Уши прижали:
Ведь звездный
Закончился час.
И те ордена
И медали
Подальше упрятали
С глаз.
Подолгу
У родичей дальних
Таскают
Ершей из реки.
И пенсий себе
Персональных
Не просят.
Не все ж дураки...
Им волны забвения
Снятся.
Ни власть не нужна,
Ни почет.
Своих фотографий
Боятся
Не меньше,

Чем ладана черт.
Пусть многое
Сгнило в могиле,
Но стон над страной
Не утих...

Они нас, конечно,
Забыли.
Да мы-то
Запомнили их.

* * *

Думал, не бросят силы вовек...
Самонадеян есмь
Человек.

Годы ушли,
Хвори пришли:
Все, как у всех
Деток земли.

Пробило пять,
Пробило семь,
Спать не могу
Больше совсем.

Значит, пора
И на покой.
Молча махнуть
Счастью
Рукой.

Детям махнуть,
Девам махнуть,
Перекрестить
Пройденный путь.

И обратить
Очи вперед.
Что там еще
Грешника ждет?

Выйти к реке:
“Эй, на барже!”
Очи найдут
Дело душе.

А коль нашлось
Дело душе,
Значит, и плыть
Ей на барже!

* * *

Ты продал душу дьяволу,
Но, чувствуя вину,
Ночами
Ходишь к явору
И воешь
На луну.
Как зверь,
Ушами прядаеть,
Смирная в теле
Дрожь,
И на колени
Падаеть,

И крест на грудь
Кладешь.
Меж туч
Найдя отверстие,
Все ждешь
Ответный знак,
А пальцы
В троеперстие
Не сложатся
Никак.
Безмолвна высь
Печальная,
И знака
Нет и нет.
Великое молчание —
Один тебе
Ответ.
Лишь тень пройдет
По явору
Да вздох
Пробьется все ж:
Коль продал душу
Дьяволу,
То Бога
Не тревожь.

* * *

Деревянная часовня
Против дедовых
Окон...
Ржали кони,
Пели дровни,
Ветер дул
Со всех сторон.

В безрассудное время —
Сплошь из вихрей
Да из гроз —
В ней хранить
Льняное семя
Приспособился
Колхоз.
Гнили своды
И стропила,
Только —
Что там ни пиши —
Семя
Нам
Дороже было
Человеческой души.
В ворохах трухи
И пыли
Эти кормчие земли
Ни семян
Не сохранили,
Ни души
Не сберегли.
Там, где заросли
Аниса,
Вдрызг порушен
Прежний быт.
Дедов дом
Не сохранился,
А часовенка
Стоит.
Видно, вправду
Кто-то свыше
Не дал вывезть
На дрова.
Сорок лет
Не крыли крышу,
А она жива.

Жива!
Жметя сруб
К замшелой вербе,—
Инвалид уже
На вид.
Но пока железо
Терпит,
И фундамент
Постоит.
И должна ж
На белом свете
Правда быть,
В конце концов.
И обязаны же
Дети
Жить разумнее
Отцов.

* * *

На земле моей — горькой, бедной —
Ну чего только
Ни растет! —
Лебеда
И пырей зловредный,
И манжетка прет,
И осот.
Из какой пришагали
Дали?
Но прижились —
Наверняка.
Будто недруги
Их внедряли
С тайным умыслом —

На века.
Я с восхода
И до заката
С этой нечистью
Воевал.
Я и тяпкой их,
И лопатой —
Только что не зубами
Рвал.
Но встают опять —
Наказанье!
И нахально
Глядят в окно.
Не ищу себе
Оправданья.
Да и нет оправданья.
Но
Одному утешенью
Внемлю:
Что во все —
Во все! —
Времена
Сам бросал
Неизменно
В землю
Только добрые
Семена.

* * *

Живем совсем неплохо:
Все время ждем
Подвоха,
То обойдет
Пройдоха,

То не дозрит
Творец.
А коль живешь
Неплохо —
Не крякай
И не охай.
Великая эпоха
Настала наконец!

Идем почти
По срезу.
Навалом интересу:
То тут в карман
Залезут,
То там
Оговорят.
Зато какие дали
Ну, розы на эмали!
И слыхом не слыхали
Про экий
Райский сад.

Нам что-нибудь
Попроше б,
Как говорила
Теща:
Спасти
Хотя бы рошу
У нашего села.
Еще б чего
Покушать —
Мяско там
Аль горбуша.
И можно
Сказки слушать,
И братья
За дела.

Ведь круг пока
Не замкнут.
Не зря глядим
На Запад.
И преуспели
За год
В познании структур.
Теперь бы только
Взяться
Да свистнуть
Во три пальца,
Собратся,
Поднапрячься —
И все тебе
“Ля мур”.

СОСНА

На срезе крутого обрыва,
Где только песок
Да гранит,
Стоит она
Столь горделиво
И столь величаво
Стоит,
Что каждый
Шагающий мимо
Подумает:
Именно здесь,
Под этою,
Небом хранимой,
Сосною
И стоит присесть.
И чаще всего

На рассвете
Пронзит его
Радостный миг,
Что только под деревом
Этим
Он высшую правду
Постиг.
Отправится,
Брови нахмуря,
Своим просветленным
Путем.
А здесь разыграется
Буря
И мгла разразится
Огнем.
И вздрогнет
Могучая крона,
И вспучится
Ствольная медь,
И скатится,
Словно корона,
Султаном торчавшая
Ветвь.
И тело завалится
Набок,
Но корни,
Почувствовав срок,
Клешнями
Огромного краба
Со скрипом
Вонзятся в песок.
Такой вот зловещею
Ночью,
Не веря в спасенье свое,
Дитя припадет
К своей почве,
И почва

Не выдаст дитё...
Но в непогодь
Нету народу.
Всем надобна
Лишь благодать.
А только в такую
Погоду
Сосну и возможно
Понять.

А БЫЛО, БЫЛО...

Когда в кармане два гроша —
Сопротивляется душа
Гастрономическим соблазнам,
Игре страстей
И толкам праздным.

Но лишь почтовый перевод,
Как лучик солнца,
Упадет —
Душа кипит, изнемогая:
Все!
Философия другая.

И вот опять гремит гармонь,
Всю ночь в дому горит огонь,
Гудят полы,
Сверкают блюда,
Вино течет,
И речи льются.

Душою понято давно,
Что завтра будет тяжко,
Но...

Живи она с другой нагрузкой,
Она была б уже не русской...

ПРОГУЛКА

Лес все ближе, ближе, ближе
С кронами богатыми.
Ой, добро лететь
На лыжах
По лыжне
Накатанной.
Ухну в яму,
Словно в голбец,
Притаюсь под ёлкою.
В зимнем ельнике
Морозец —
Как орешки щёлкает.
Надо мной взметнется
Белка,
Глазки
Сверху выпучит.
Засмеется
Мелко-мелко —
Не захочет выручить.
“Больно толст,
Неповоротлив.
Экие вы
Надолбы!
Ведь еще не старый,
Вроде,
Попроворней
Надо быть”.
Побреду

Лыжнею шаткой
По-над речкой Вотчею.
Наберу орешков
Шапку —
Доченьку
Попотчую.
А про шишку
На макушке
Умолчу я
Бдительно.
Ей скажи,
Такой болтушке,—
Засмеёт родителя.

* * *

При вечернем освещенье
Представляется
Иным
Сад,
В который посещенья
Допустимы
Пожилым.
Здесь пока не видно
Давки,
Не шумят боевики.
Но, как дьявольские
Лавки,
Зажигаются
Ларьки.
Пруд с утра
Непроницаем.
Лишь, почувствовав
Луну,

Целомудренно мерцает,
Зазывает
В глубину.
А почтенные березы
В окружении честном
Соблазнительные позы
Принимают
Перед сном.
А у козлика-соседа,
Что кормился у кола,
Сразу видно,
Как с обеда
Бороденка
Подросла.
И, наверно, сам я
Тоже,
Как и бабушкин козёл,
Постаревши на день,
Все же
Тоже
Что-то приобрел...

* * *

Пролетела приморская птица.
Где ж само-то?
Позвольте, взгляну
Вона-вон,
Под горой шевелится
И катает по гальке
Волну.
Вона-вона,
От края до края
По своим необъятным
Полям

Стадо белых барашков
Гоняет
Может статься,
Пригонит и к нам?
Отберем самых лучших
Десяток —
Кружевных,
Молодых,
Удалых —
И порадуем
Сельских ребяток,
Не видавших ни разу
Таких.
Пусть покормятся
Хлебушком с солью
И, почувствовав
Жженье в башке,
С ребятней
Пободаются вволю
На зеленом
Июльском лужке.
Ах, как было б желанно
И странно!
Это самое-самое
То...
 Только к нам —
Даже этих баранов —
Пирогом не заманит
Никто.

* * *

Да простят меня, грешника, боги,
Что начав неуклонно
Стареть,

Все ж на стройные
Женские ноги
Не могу равнодушно
Смотреть.
Понимаю,
Что это кошунство:
Проявляя известную
Прыть,
Кроме слов,
Столь знакомое чувство
Не пытаться
Ничем
Подкрепить.
Как тут прежние годы
Не вспомнить?
Может, там,
Дорогие друзья,
В лабиринте
Студенческих комнат
Заблудилась
Решимость моя.
Впрочем, нечего ныть —
Бесполезно!
И смешно
Поднимать фюзеляж.
Ведь закон у природы
Железный
И его не преступишь,
Как наш...
Не разумней ли
Ценные мысли
Передать
Молодежи села?
Чтоб в застое
Они не прокисли,
А в дела воплотились.
В дела!

* * *

Уклоненье бесполезно:
Лишь в волну
Вошел опять —
И она уже
Полезла
Обнимать
И щекотать.
А медуза-то,
Медуза —
Безусловно
Неспроста —
Гладит мне ладошкой
Пузо,
Ну, и прочие
Места.
Как же я теперь,
Славяне,—
Говорю
Всерьез вполне —
После этих
Лобызаний
Покажусь своей
Жене?
“Ничего —
Шепнули волны,
Подтолкнув чуток
Вперед,—
Ты доволен,
Мы довольны,
И она
Переживет”.
Я на всякий случай
Все же,
Доверять боясь
Волне,

Стал настолько
Осторожен,
Что купаюсь
При жене.

* * *

Гудело и выло морское нутро,
И ветер
Форсировал глотку.
Я вышел на берег,
Я допил ситро
И сдвинул
Тяжелую лодку.
Скрипел и противился
Старый баркас
Такой непредвиденной
Прыти.
Но понял я:
Самое трудное в нас —
Решиться,
Собраться —
И выйти.
Тяжелые тучи
Толпились в груди,
Грозя
И пророча потери.
Но главный магнит
Исчезал позади —
Заваленный мусором
Берег.
Швыряла,
Крутила
И била меня

Всесветная ярость
И дикость.
Подобного
Не было в прошлом
Ни дня,
И в будущем
Может не выпасть.
Зато убедился,
Обратно гребя:
Пусть не открыто
Америк,
Но есть основание —
Верить в себя,
И смысл —
Возвращаться на берег.

ПЕСНЯ О ТЕБЕ

Не поет за лесом гармошка,
Не шуршит камыш у ручья.
Лишь прошелестит под окошком
Легкая походка твоя.
Поверну дверное колечко.
Ночь на удивленье светла.
Только никого у крылечка,—
Это просто осень пришла.
Помни же, моя золотая,
Я в своем далеком краю
С именем твоим засыпаю,
С именем — твоим же — встаю.
Дождик поколотится в крышу,
Ветер постучится в нее.
Ясно на рассвете услышу

Чистое дыханье твое.
Подхватчу рубашку со стула,
Только зря дойду до ручья.
Это у калитки вздохнула
Тонкая березка моя.

Помни же, моя золотая,
Я в своем далеком краю
С именем твоим засыпаю,
С именем — твоим же — встаю.

Падает на светлые росы
Тихая листва сентября.
Слышно, вновь у ближнего плеса
Кто-то окликает тебя.
Встану и замру под сосною
И с трудом стряхну забытье.
Это осень вместе со мною
Имя повторяет твое.

Помни же, моя золотая,
Я в своем далеком краю
С именем твоим засыпаю,
С именем — твоим же — встаю.

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь в поэзии. Предисловие А. Романова	3
«Начались большие перемены»	8
«На кашке и ромашке день настоян»	9
«Не принимайте близко к сердцу»	10
«Когда-то свидеться придется»	10
Жалость	12
«Мои дела не так уж плохи»	12
«Одолею я долгую дорогу»	13
«Набродился по белому свету»	14
«Извините, господа»	15
«Прозреваю, слава Богу»	17
«Нечеловеческая участь»	18
«А вечер тих»	19
Бережливость	20
Диалог	21
«При моем воспитанье и званье»	22
«Еще не уставший от жизни»	24
«За что меня карает небо»	25
«Не возбуждая интереса»	26
«Все еще не надоело»	27
«Ни зависти, ни злобы»	28
«Дунул в окна полуночный ветер»	29
Вологда	30
На родине Рубцова	31
Вологодский марш	33
«Кровь пролилась»	34
«Захлебнулась туманом округа»	35
«Любой чиновник заменим»	36
Заповедь	37
«Никто не знает»	38
Орган	39
«За ржавую оградою»	41
Творец	42
Имя	43
Парадокс	44
Песенка о скорости	45
«Люблю деревенскую баню»	47
Поправка	49
Оружие	49
Смех	50

«Еще снега лежат»	52
Дети в воздухе	53
«Занимался над лесом восход»	55
«Застоялся конь в опале»	56
«Снег, порозовевший от заката»	57
«С недоверьем узнаешь из книг»	58
«Стану думать о здоровье»	59
«От забот — от мирских»	60
«Расти с природою»	61
«Какой восход!»	62
«Все говорят»	64
Дочка спит	65
«Я так хотел проснуться на рассвете»	66
Приглашение	67
«Что-то слишком тяжел»	68
«Видно, это что-то значит»	69
«Как рано холодом подул!»	70
Каюсь	70
Отъезд	72
«Никуда не уйдут поезда»	73
«Почти что в двух шагах»	74
«Неудачной любви не бывает»	77
Они	77
«Много жил и бродил»	79
«Любовь доказывать не надо»	80
«Пришла пора замаливать»	81
Нехристи	82
«Думал, не бросят силы»	84
«Ты продал»	85
«Деревянная часовня»	86
«На земле моей»	88
«Живем совсем неплохо»	89
Сосна	91
А было, было	93
Прогулка	94
«При вечернем освещенье»	95
«Пролетела приморская птица»	96
«Да простят меня»	97
«Уклоненье бесполезно»	99
«Гудело и выло»	100
Песня о тебе	101